

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: mvilisov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

ЦИТИРОВАНИЕ: Вилисов М.В. (2021). Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 106–126.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

Статья поступила в редакцию 31.03.2021.

АННОТАЦИЯ. На фоне политической нестабильности в Белоруссии и неудавшихся попыток «углубленной интеграции» в 2019–2020 гг. политэкономия российско-белорусского сотрудничества как предмет изучения выходит далеко за пределы академического интереса и представляет большое практическое значение. В статье выдвигается предположение о том, что сложности интеграции имеют объяснение в природе действующей в Белоруссии политэкономической модели, которая и становится основным объектом анализа. По аналогии с политэкономической моделью «путиномики» К. Миллера и по результатам сравнительного анализа сформулирована политэкономическая модель «лукашеномики» и ее основные стратегии (централизация власти, высокий уровень социальных обязательств, государственный контроль экономики, извлечение «политической ренты» из отношений с Россией и приоритет государственности над государ-

ственной состоятельностью). На основе разработанной ранее автором в составе коллектива модели стабильности и устойчивости государственных систем определено влияние «лукашеномики» на стабильность и устойчивость государственной системы Белоруссии. Выявлена принципиальная несовместимость существующей белорусской и российской политэкономических моделей и определены перспективы развития российско-белорусских отношений в контексте возможных сценариев трансформации белорусской модели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Союзное государство России и Белоруссии, «путиномика», «лукашеномика», углубленная интеграция.

Введение

Политический кризис 2020 г. в Белоруссии четко обозначил роль России в

поддержании стабильности и устойчивости функционирования белорусской государственной системы: экономическая помощь и гарантии военной безопасности. В сентябре 2020 г. устойчивость государственной системы Белоруссии была оценена в 1,5 млрд долл. США¹. Россия и без того являлась главным кредитором Белоруссии с размером долга в 7,92 млрд долл. США², при этом эксперты оценивают объем помощи, предоставленной Россией в форме скрытых дотаций за последние двадцать с лишним лет Белоруссии, в размере 120–150 млрд долл. [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020]. Угрозы обороне и государственной безопасности были купированы словесными интервенциями относительно готовности направить в помощь белорусским властям российские силовые подразделения³. Российская поддержка поступила на фоне явного тупика по вопросам «углубленной интеграции» в 2019 г.⁴ и откровенно антироссийской риторики со стороны белорусского президента накануне выборов летом 2020 г.⁵ Положение Белоруссии на фоне отложенной конституционной реформы, продолжающихся протестов и нерешенных экономических проблем (падение ВВП, рост госдолга и выплат по нему, бюджетный дефицит)⁶ сложно назвать устойчивым и очевидно, что без российской помощи (в том числе кредитов на реструктуризацию долга и скрытых субсидий для

компенсации последствий «налогового маневра»⁷) обеспечить стабилизацию будет невозможно. Вопрос заключается в том, возможно ли это сделать при условии наличия этой помощи, но сохранении существующей белорусской экономической модели и политико-экономической модели взаимодействия России и Белоруссии.

Для ответа на него в статье последовательно рассматриваются следующие вопросы. Каким образом можно охарактеризовать политэкономическую модель Белоруссии и как она выглядит в сравнении с российской? Существует ли «лукашеномика» и в чем ее основное содержание, какова эволюция развития? Может ли она в принципе интегрироваться с «путиномикой»? Каким образом можно охарактеризовать российско-белорусские политические и экономические отношения: интеграция, взаимозависимость, зависимость, сотрудничество? В какой мере экономики двух стран интегрированы и как это влияет на перспективы их социально-экономического и политического развития, как совместного, так и самостоятельного? Каким образом актуальная нестабильность (кризис) на глобальном, региональном и национальном уровнях будут влиять на существующие политэкономические модели?

Статья состоит из трех частей. В первой приводится сравнительный анализ социально-экономического и полити-

1 Путин дал обещание Лукашенко по кредиту на \$1,5 млрд (2020) // РБК. 14 сентября 2020 // <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2020/5f5f69029a7947e22d77a2e3>, дата обращения 21.04.2021.

2 Как связаны экономики России и Белоруссии. Что важно знать (2020) // РБК. 19 августа 2020 // <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2020/5f3bcfd09a7947dbcf3afb76b>, дата обращения 21.04.2021.

3 Путин заявил о создании резерва силовиков на случай помощи Белоруссии (2020) // РИА Новости. 27 августа 2020 // <https://ria.ru/20200827/rezerv-1576391615.html>, дата обращения 21.04.2021.

4 Российско-белорусские переговоры не привели к принятию программы углубленной интеграции (2019) // Эхо Москвы. 8 декабря 2019 // <https://echo.msk.ru/news/2550571-echo.html>, дата обращения 21.04.2021.

5 Всадники дестабилизации (2020) // Lenta.ru. 31 июля 2020 // <https://lenta.ru/articles/2020/07/31/33bogatitya/>, дата обращения 21.04.2021.

6 Блеск и нищета белорусской экономики (2020) // РБК. 1 сентября 2020 // <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/01/5f4a734a9a79477fa015e387>, дата обращения 21.04.2021.

7 В Белоруссии оценили свои потери от налогового маневра в России в 2021 году (2020) // РБК. 21 июля 2020 // <https://www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f170d819a79475b4d77af01>, дата обращения 21.04.2021.

ческого развития двух стран, определяются имеющиеся политико-правовые рамки сотрудничества и то, в какой мере они влияют на взаимодействие двух стран. Во второй части дается описание белорусской политико-экономической модели («лукашеномики») в сравнении с моделью «путиномики», разработанной К. Миллером [Miller, 2018], и определяется принципиальная совместимость двух моделей. В третьей части показывается, что «неформализация» отношений не дает результата и требуется возврат к строгой правовой рамке уже созданных институтов, с переводом рабочих контактов на правительственный уровень. Усиление роли правительства Белоруссии в ходе конституционной реформы и включение в состав правительства представителей умеренной оппозиции способствовали бы оздоровлению ситуации и проведению необходимых реформ во взаимных интересах (приватизация, оздоровление финансового сектора, налоговое администрирование, повышение качества государственных услуг).

Союз нерушимый республик свободных?

Распространенное клише об отношениях России и Белоруссии – Белоруссия это главный, а по мнению А.Г. Лукашенко, – единственный союзник России⁸. В 2020 г. А.Г. Лукашенко также признал и Россию «главным союзником» Белоруссии⁹. Помимо этого высокого неформального статуса страны состоят как минимум в двух формальных союзах: Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) с мо-

мента его основания в 2015 г. и в Союзном государстве (далее – СГ) – с момента подписания соответствующего договора в 1999 г. Кажется, что долгосрочное и формализованное международное сотрудничество должно было создать прочную правовую и институциональную основу для сотрудничества двух государств в экономической сфере. Однако на практике это совсем не так.

Наиболее продолжительным является нахождение двух стран в составе СГ. Несмотря на название, эта структура не является государством и скорее может быть отнесена к категории международных организаций. В связи с 20-летием СГ опубликовано достаточно большое количество научных работ, подчеркивавших фактический провал этого проекта, который описывался в диапазоне терминов от «стагнации» [Суздальцев, 2020, с. 56] до «деградации интеграционных обязательств» [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 17] и «политики использования белорусско-российской интеграции для укрепления собственной (А.Г. Лукашенко. – Авт.) власти, включая автономность от РФ» [Царик, 2020, с. 139]. Последнее определение представляется наиболее важным для дальнейшего анализа.

Существующее формально СГ и действующие в его рамках институты оказались неэффективными с точки зрения реализации формально декларируемых в Договоре о СГ задач. По оценке автора, из 19 пунктов, предусмотренных в программе реализации Договора о СГ [Программа действий..., 1999], полностью не выполнено 10, частично (с существенным нарушением сроков) выполнено 8, полностью вы-

8 Лукашенко назвал Белоруссию единственным союзником России (2020) // РИА Новости. 28 июня 2020 // <https://ria.ru/20200628/1573597935.html>, дата обращения 21.04.2021.

9 «Нет угрозы»: Помпео пообещал Лукашенко не нападать на Белоруссию (2020) // Газета.ру. 24 октября 2020 // https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/24_a_13331875.shtml, дата обращения 21.04.2021.

полнен 1. Практически все из частично выполненных пунктов реализованы в рамках другого союза – ЕАЭС. Попытка «санации» проекта СГ [Суздальцев, 2020, с. 56] в формате «углубленной интеграции», предпринятая в 2018–2019 гг., которая формально была направлена на реализацию положений действующего Договора о СГ, была болезненно встречена в Минске и породила в белорусском экспертном сообществе спекуляции на тему «интеграционного ультиматума» как новой стратегии России в отношении Белоруссии [Tsarik, Vasa, 2019, р. 6; Sivitsky, 2019].

Новизна российской стратегии, по мнению экспертов, заключалась в отказе от экономической поддержки режима в обмен на «определенную степень геополитической лояльности» и «ожидания интеграции» [Sivitsky, 2019]. В рамках этих, безусловно неформальных (если они существовали) обязательств, Москва, по мнению эксперта, исправно выполняла свою часть в виде «интеграционных субсидий» («интеграционной ренты» в формулировке другого эксперта [Царук, 2020, с. 139]), которые составили в 2005–2015 гг. 106 млрд долл. США (в среднем 9,7 млрд долл. США в год) [Sivitsky, 2019]. Стоит ли говорить о том, что подобное понимание полностью противоречит сути действующих документов о СГ. Кроме того, степень «геополитической лояльности» Минска также трудно назвать высокой в условиях реализуемой «многовекторной политики», отказа от согласованного размещения в Бобруйске базы российских ВКС в 2015 г., позиции относительно признания Крыма или политики в отношении соблюдения российских «контрсанкций» и организации «масштабной контрабан-

ды на российский рынок» [Суздальцев, 2020, с. 61–62]. Тем не менее озвученная таким образом экспертная позиция заслуживает самого пристального внимания, так как она во многом соответствует официальной позиции А.Г. Лукашенко.

Ситуация такого «баланса» изменилась, по мнению экспертов, в 2015 г. В связи с объявленным в России «налоговым маневром» скрытые субсидии белорусской экономике в виде скидки на цену российских нефти и газа в размере экспортных таможенных пошлин прекращались, что, по некоторым оценкам, приводило к потерям в 10–12 млрд долл. в течение шести лет (2019–2025), когда «налоговый маневр» будет осуществляться [Sivitsky, 2019]. Компенсировать эти потери Москва соглашалась только в обмен на «серьезные уступки» со стороны Белоруссии по углублению интеграции, прежде всего в части создания единой валюты, формирования единой налоговой и таможенной политики [Sivitsky, 2019], выравнивания условий для конкуренции между российскими и белорусскими предприятиями [Tsarik, Vasa, 2019]. Все это, по мнению белорусских экспертов, ведет к потере национальной независимости [Sivitsky, 2019], которая, судя по неоднократным высказываниям А. Лукашенко, составляет намного большую ценность, чем интеграция и ее возможные социально-экономические последствия¹⁰. Важно отметить, что перечисленные требования как раз и составляли содержание Программы действий двух стран по реализации Договора о СГ, принятой еще в 1999 г. [Программа действий., 1999]. Получается, что для белорусской политической и интеллектуальной элиты мотив «суверенитета» и «свободы» участников союза намного важнее, чем

10 Лукашенко пожелал сохранить суверенитет при интеграции с Россией (2021) // Lenta.ru. 11 февраля 2021 // https://lenta.ru/news/2021/02/11/luka_su/, дата обращения 21.04.2021.

какие-либо формальные обязательства в рамках этого союза, и тем более органы, способные обеспечить выполнение этих обязательств.

Таким образом, предпринятая Россией попытка реализовать, спустя почти 20 лет, формально предусмотренные положения Договора о СГ была встречена «единственным союзником» резко негативно, буквально со словами «не надо нас обвинять в нахлебничестве» и «если мы влезем в ломку договора, то вообще все разрушим, что было сделано за это время» [Суздальцев, 2020, с. 57]. Систему органов СГ при этом А. Лукашенко считает «жизнеспособной», которая может существовать без каких-либо новых наднациональных органов¹¹.

К вопросу сравнительной эффективности структур СГ и ЕАЭС мы еще вернемся позже, перед этим необходимо понять, какая же политико-экономическая модель сформировалась в российско-белорусских отношениях за эти годы.

Серийный союзник

Несмотря на то что Белоруссия – главный российский союзник, ее политико-экономическая модель недостаточно хорошо изучена в России. Долгое время доминировала точка зрения, что в Белоруссии реализуется некая особая «белорусская модель социального государства» [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 11], что, возможно, было справедливо, особенно при сравнении социально-экономических показателей в 1990-е и начале 2000-х годов с соседними Украиной и Россией. Действительно, исходя из показателей 1991–2009 гг. Белоруссия лидировала как по тем-

пам роста ВВП (7,2 пп в 1996–2009 гг. против 3,8 и 2,4 в России и на Украине соответственно) и уровню безработицы (самый низкий в среднем из трех стран за период 1991–2009 гг.), так и по уровню неравенства (самый низкий – в диапазоне 0,244–0,272 коэффициент Джини в 1996–2006 гг. по сравнению с 0,387–0,421 и 0,275–0,371 для России и Украины соответственно), находясь на одном уровне с Россией и обгоняя Украину по темпам роста производительности труда (13,1% против 13,2 и 11,8% в среднем за 1996–2006 гг. соответственно) [Ioffe, Yarashevich, 2011, pp. 758–763].

Низкий уровень неравенства и безработицы, отсутствие «олигархов», ставших отличительной чертой украинской и российской экономической модели, особенно в 1990-х годах, сделало такую социально-экономическую модель, которую иногда сравнивали со скандинавской [Ioffe, Yarashevich, 2011, p. 760], весьма привлекательной для населения, что сформировало своего рода негласный «общественный договор»: политическая лояльность в обмен на стабильное состояние и рост (пусть и медленный) благосостояния основной массы населения [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 11]. Такая ситуация, по мнению ряда экспертов, сохранялась до середины 2010-х годов, когда под давлением внешних обстоятельств (череда глобальных, российских и национальных кризисов 2008–2009, 2011, 2014–2015 гг.) модель начала давать сбои как минимум в части распределения доходов в пользу государственного сектора [Царик, 2020, с. 135], что привело к падению уровня жизни населения и первым конфликтам на социально-экономической почве («марш тунеядцев» 2017 г.) [Гронский, Кузьми-

11 Белоруссия полностью сохранит суверенитет при интеграции с Россией (2021) // РИА Новости. 11 февраля 2021 // <https://ria.ru/20210211/integratsiya-1596961673.html>, дата обращения 21.04.2021.

на, Соловьёв, 2020, с. 11]. Хронологически описанное ухудшение экономической ситуации совпадает с ухудшением экономической ситуации в России, что хорошо иллюстрирует график динамики ВВП двух стран (см. рис.).

Это совпадение хорошо объясняется моделью «интеграционной ренты» (получение от России дотаций в обмен на обещание интеграции и геополитическую лояльность), предложенной Ю. Цариком [Царик, 2020] и фактически разделяемой рядом других авторов [Гронский, Кузьмина, Соловьёв, 2020; Суздальцев, 2020; Sivitsky, 2019]. Насколько применима эта модель и не является ли она способом примитивизировать ситуацию [Шурубович, 2018, с. 18]?

Попробуем описать белорусскую экономическую модель при А. Лукашенко («лукашеномику») по аналогии с моделью, сделанной К. Миллером для описания российской экономической модели при В. Путине («путиномики») [Miller, 2018].

Модель «путиномики» представляет собой весьма взвешенное, политически нейтральное, достаточно конкретное, но при этом обобщенное описание

политэкономической модели, сформированной в период с 2000 г. по настоящее время в период президентства и премьерства В. Путина. В самом общем виде автор излагает эту модель как совокупность трех взаимосвязанных стратегий [Miller, 2018].

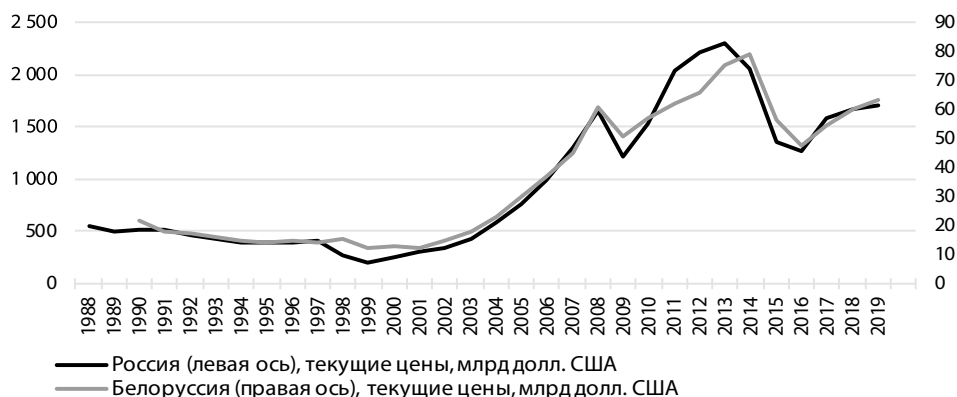
1. Укрепление центральной власти для обеспечения ресурсных возможностей реализации собственной стратегической повестки.

2. Предотвращение социального недовольства путем гарантирования низкого уровня безработицы и адекватного социального обеспечения.

3. Опора на частный бизнес для повышения (экономической) эффективности, но только в тех случаях, когда это не входит в противоречие с предыдущими двум стратегиями.

Упомянутая выше в первом пункте повестка формулируется весьма лаконично: «поддержание власти, распространение российского влияния вовне и развитие российской экономики внутри» [Miller, 2018].

Подобный подход вполне раскрывает взаимодействие политических и экономических факторов, обеспечивающих достаточно устойчивое функцио-

Рис. Динамика ВВП России (слева) и Белоруссии (справа)

Figure. GDP dynamics in Russia (left) and Belarus (right)

Источник: World Bank, расчеты автора

нирование российской государственной системы в краткосрочном периоде и стабильность – в долгосрочном. Понятия «устойчивость»¹² и «стабильность»¹³, а также «государственная система»¹⁴ в данном случае используются в контексте модели стабильности и устойчивости государственных систем (МСУГС), разработанной автором в составе научного коллектива [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020] и апробированной в рамках межстрановых сравнений [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020]. В рамках МСУГС стратегия 1 обеспечивает деятельность функционально-деспотического параметра, стратегии 2 и 3 – частично консолидационно-инфраструктурного и функционально-инфраструктурного параметров [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020, с. 15–16]. Принцип подчиненности стратегии 3 первым двум стратегиям также обеспечивает функционирование консолидационно-деспотического и консолидационно-инфраструктурного параметров [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020, с. 16–17] – через понимание «правил игры» и консенсус относительно приоритета публичных (государственных) интересов над частными.

Рассмотрим, каким образом стратегии, описанные К. Миллером, применимы к описанию политэкономической модели Белоруссии и как эта модель может влиять на устойчивость и стабильность белорусской государственной системы.

На первый взгляд, белорусская модель, которую тоже можно условно на-

зывать «лукашеномикой» просто по причине срока нахождения А.Г. Лукашенко у власти и соотношения этого времени с общим временем существования страны в качестве независимого государства в постсоветский период, имеет сходство с российской как по стратегической повестке, так и по реализуемым стратегиям.

Начнем с реализуемых стратегий. Центральная власть в Белоруссии сильна, социальная политика обеспечивает поддержание низкого уровня безработицы и социального неравенства. Частный бизнес также развивается – удельный вес численности предприятий с частной формой собственности в стране находится на уровне более 80%, хотя их доля в занятости и добавленной стоимости существенно ниже (в районе 60–70%) [Возможен ли белорусский «майдан»..., 2016, с. 20], но все же частный сектор составляет значительную часть экономики страны. Таким образом, можно признать, что в части реализуемых стратегий «лукашеномика» очень близка «путиномике».

Что касается стратегической повестки, то здесь также можно найти сходства, хотя и не столь очевидные на первый взгляд. Наиболее бесспорной является цель «поддержания власти». Приверженность развитию белорусской экономики, которая, в наследство от советских времен, оказалась наиболее индустриально развитой и которую, по мнению ряда экспертов и руководства Белоруссии, удалось в таком виде и сохранить, также явля-

12 Устойчивость — это состояние государственной системы, позволяющее ей воспроизводиться и реализовывать полномочия, которыми наделен правительственный аппарат и государственные институты в целом, тем самым достигая равновесия, обеспечивающего ее функционирование.

13 Стабильность – это динамическая способность государственной системы достигать состояния, при котором она устойчиво функционирует, т.е. способность добиваться устойчивости или воспроизводить ранее достигнутое равновесие.

14 Государственная система понимается как часть социального порядка, с которой имеют дело агенты политического процесса и которая включает в себя не только государственные институты, нормативные установления и реализуемые правительствами программы, но и устойчивые неформальные практики работы институтов государства, местное самоуправление и социальные правила в целом, т.е. устойчивые, регулирующие взаимодействие людей и воспринимаемые как легитимные и «нормальные».

ется лейтмотивом публичной политической повестки А.Г. Лукашенко. Ради выполнения этой задачи (достаточно трудной, так как Белоруссия не богата природными ресурсами и единственное ее советское наследие – это промышленный комплекс, один из наиболее развитых в СССР [Ioffe, Yarashevich, 2011, р. 754; Павловец, Шиптенко, 2017, с. 175]) руководство республики использует комбинацию различных методов протекционизма: от управления курсом национальной валюты до административных препятствий [Возможен ли белорусский «майдан»..., 2016, с. 18], в том числе и в отношении ближайшего союзника – России. Это позволило на протяжении 30 лет сохранять промышленный потенциал, который все же стагнирует в последние годы [Грон-

ский, Кузьмина, Соловьёв, 2020, с. 11]. В то же время в этом аспекте белорусская экономика часто противопоставляется российской, как более индустриально развитая по сравнению с более ресурсно ориентированной [Мясникович, 2016, с. 22].

Тем не менее периоды развития и стагнации в показателях роста ВВП у Белоруссии и России совпадают. Более того, динамика социально-экономического развития двух стран совпадает и по целому ряду других показателей (см. табл.).

Как видно, основные различия, не связанные с размером страны и экономики, можно свести к следующим.

Отличие первое. Значительно более высокая доля экспорта и импорта товаров в структуре белорусской эко-

Таблица. Отдельные экономические показатели России и Белоруссии
Table. Some economic indicators of Russia and Belarus

Показатель	Россия			Белоруссия		
	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.
Добавленная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, лесопользовании и рыболовстве (в % от ВВП)	6	3	3	12	9	7
Добавленная стоимость, созданная в промышленности (в % от ВВП)	34	30	33	33	35	31
Экспорт товаров и услуг (в % от ВВП)	44	29	31	69	51	70
Высокотехнологичный экспорт (в % от произведенной продукции)	-	10	11	-	3	4
Импорт товаров и услуг (в % от ВВП)	24	21	21	72	65	69
Налоговые доходы бюджета (в % от ВВП)	13,6	13,0	11,4	16,6	16,3	14,7
Расходы на оборону	3,3	3,6	3,7	1,3	1,3	1,2
Прямые иностранные инвестиции (млн долл. США)	2 678	43 168	8 785	119	1 393	1 427
Внешний долг (млн долл. США)	146 665	417 852	453 808	2 620	28 412	38 768

Источники: World Bank (1) (2021). Country Profile. Russian Federation // https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=RUS, дата обращения 21.04.2021; World Bank (2) (2021). Country Profile. Belarus // https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=BLR, дата обращения 21.04.2021.

номики, превышающая соответствующие российские показатели в 2–3 раза. Согласно данным Белстата, в 2020 г. доля России в экспорте белорусских товаров составляла 45,2%¹⁵, доля импорта – 55,8%¹⁶. Многие виды экспортной продукции, производимые в Белоруссии, предназначены почти исключительно для российского рынка: около 90% экспортируемой продовольственной продукции, 75 – машин и оборудования, 60–70% экспортируемых транспортных средств [Шурубович, 2018, с. 47–48]. Несмотря на структуру торговли (сырье в обмен на промышленную продукцию), торговый баланс между двумя странами является отрицательным, причем в последние годы эта тенденция усиливается [Дайнеко, Береснев, 2019; Пылин, 2019].

При этом Белоруссия в целом имеет значительно более низкие по сравнению с Россией показатели глобальной связности, что характеризует ее как «периферийную» с точки зрения глобальной экономики [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020, с. 12–13], хотя при нахождении в составе СССР она характеризовалась скорее как «полупериферия» или «ядро» самого СССР [Bradshaw, Lynn, 1994]. Зависимость от России и «периферийный характер» отчасти подтверждаются и структурой прямых иностранных инвестиций: согласно данным Белстата, 41,4% иностранных инвестиций, поступивших в Белоруссию в 2020 г. из зарубежных стран, были из России¹⁷. Все это может быть признаком экономической зави-

симости от России. При этом эксперты отмечают парадоксальное поведение коэффициента торгово-экономической связанности двух стран, которое, возможно, отражает «глубинный характер» комплементарности экономик двух стран [Шурубович, 2018, с. 20]. Таким образом, Россия для Белоруссии является «мостом» в глобальную экономику и способом подняться с уровня периферии до полупериферийного уровня. Этим объясняется торгово-экономическая и инвестиционная зависимость. Сохранение высокой степени связанности Белоруссии и России является наследием советской модели и залогом существования белорусской экономики в ее нынешнем виде [Мясникович, 2016; Павловец, Шиптенко, 2017]

Отличие второе. Значительно меньшая (в три раза) доля расходов в Белоруссии на оборону. Конечно, для России всегда были характерны относительно большие расходы на оборону. Однако для сравнения: по состоянию на 2018 г. военный бюджет США составлял 3,58 % ВВП, а Германии – 1,2% – соотношение такое же, как у России и Белоруссии, при несопоставимых размерах белорусской и германской экономик (63 млрд долл. против 3861 млрд долл. соответственно). Подобный дисбаланс в финансировании союзниками по НАТО расходов на оборону в свое время вызвал достаточно резкую реакцию Дональда Трампа, в ультимативном порядке требовавшего эти расходы увеличить. В итоге, на саммите в 2014 г. союзники по НАТО приня-

15 Распределение экспорта товаров по странам – основным торговым партнерам в 2020 г. // Белстат // <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/raspredele-nie-eksporta-tovarov-po-stranam-osnovnym-torgovym-partneram-v-2018-godu/>, дата обращения 21.04.2021.

16 Распределение импорта товаров по странам – основным торговым партнерам в 2020 г. // Белстат // <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/raspredele-nie-importa-tovarov-po-stranam-osnovnym-torgovym-partneram-v-2018-godu/>, дата обращения 21.04.2021.

17 Структура инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов в реальный сектор экономики Республики Беларусь в 2020 г., по основным странам-инвесторам // Белстат // <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/inostrannyye-investitsii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/struktura-investitsiy-ot-inostrannykh-investorov-v-realnyy-sek-tor-ekonomiki-v-2018-godu-po-stranam/>, дата обращения 21.04.2021.

ли обязательство в течение 10 лет увеличить свои военные расходы до 2% ВВП¹⁸ – показатели, весьма далекие от белорусских. Еще одно сравнение: недавно проводивший военную кампанию в Нагорном Карабахе Азербайджан имел расходы на оборону в размере 2,8 и 3,6% в 2010 и 2018 гг. соответственно [World Bank., 2021], соседняя с ним Армения – 4,4 и 4,9%. Соседние с Беларуссией страны НАТО – Литва и Польша – тратят около 2% от ВВП на оборону и безопасность. Расходы Украины на оборону были 1,9 и 3,2% от ВВП в 2010 и 2018 гг. соответственно. Из этих сравнений можно сделать еще один вывод: Россия является провайдером безопасности для Белоруссии, в том числе в части обороны. Это легко объяснимо важным геостратегическим положением Белоруссии на западном направлении и известными опасениями российского руководства по поводу военной угрозы с этой стороны, в том числе из-за расширения НАТО. Российский военный «зонтик», т.е. понимание того, что Россия всегда обеспечит военное прикрытие Белоруссии в случае военной агрессии с Запада, позволяет стране иметь сравнительно низкий военный бюджет – на уровне европейских стран, входящих в НАТО и фактически находящихся под военным зонтиком США.

Эти два отличия позволяют сделать очень важный вывод: нынешняя белорусская политэкономическая модель отражает высокую степень зависимости от России как в части экономических отношений, так и в части гарантий обороны и национальной безопасности. Уровень этой зависимости был доказан во время политического кризиса 2020 г., когда российская экономическая помощь и обещание сило-

вой поддержки фактически обеспечили дальнейшее функционирование режима А.Г. Лукашенко. Таким образом, задача развития собственной экономики для Белоруссии в нынешней модели нереализуема без политической и экономической поддержки со стороны России. В этой связи возникает закономерный вопрос: «Почему не состоялась интеграция двух стран?» Ответ на него кроется в политической природе постсоветских государств, при формировании политического курса которых желание сохранить государственность побеждает стремление обеспечить государственную состоятельность [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020, с. 19]. Для большинства постсоветских стран это означает националистическую риторику, воспроизводимую бывшими советскими элитами, совершившими трансформацию «от коммуниста к националисту» [От Туркестана к Центральной Азии., 2016, с. 18], как единственный способ обеспечения хоть какой-то легитимности, а также переход к реализации режима «государства национальной безопасности» для мобилизации сторонников и борьбы с политическими оппонентами, развитие авторитарных тенденций, неопатримониализма и иных проявлений неформального управления, формирование экономического поведения рентного типа [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020, с. 20].

Источником ренты в случае отсутствия возможности извлекать ее из природных ресурсов будет геополитическое положение, в том числе эксплуатация советского инфраструктурного наследия и попытка получить ренту с природной ренты соседей, в первую очередь – России. Эта ситуация наблюдалась в странах Балтии, на Украине. В Белоруссии она развивается по

18 Трамп потребовал от стран НАТО немедленно довести расходы на оборону до 2% ВВП (2018) // ТАСС. 11 июля 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5366224>, дата обращения 21.04.2021.

тому же сценарию, именно поэтому возникло определение «интеграционной ренты», описанной ранее. Оказавшись в условиях такой рентной экономической модели, страна невольно попадает и в ловушку «ресурсного проклятья» [Movchan, Zotin, Grigoryev, 2017]. Эта ловушка усугубляется тем, что страна зависит не от собственных, а от чужих природных ресурсов, поэтому не может управлять ими никакими инструментами, кроме политических. В белорусском случае такими инструментами являются инструменты влияния на Россию с целью сохранения «политической ренты», которая может приобретать разные формы: форму «интеграционной ренты» под обещание интеграции; форму «контрреволюционной ренты» для предотвращения «цветной революции»; форму «контрабандной ренты» при содействии обходу российских «контрсанкций». В случае с Украиной, например, это «геоэкономическая рента», обязывающая Россию платить за использование газопроводов даже в случае их неполного использования.

Таким образом, завершая описание стратегической повестки «лукашеномии», можно отметить, что в ней также присутствует цель проецирования белорусского влияния вовне. При этом главным адресатом этого влияния является Россия и ее руководство, а главной целью – извлечение политической ренты, которая трансформируется в ресурсы для укрепления центральной власти (в том числе ее опорных групп в виде чиновничества и «силовики») и в бюджетные расходы, связанные с выполнением социальных обязательств.

Суммируя, можно сформулировать следующую модель «лукашеномии».

1. Поддержание и укрепление сильной центральной власти, концентрация политических, административных и экономических ресурсов. Цен-

тральная власть функционирует в лице президента, концентрирующего все политические полномочия, административного аппарата исполнительной власти и эффективного силового корпуса, формально подчиненных и лично преданных президенту. Отсутствие масштабной приватизации, в том числе вследствие консервативной политики белорусско-советского «промышленного лобби» 1980–1990-х годов [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 181], сохранило большинство ключевых активов в руках государства, что исключило формирование политэкономических оппонентов в виде «олигархов» по аналогии с Россией, Украиной и другими постсоветскими странами. Формальные административные механизмы, в том числе механизмы управления экономикой, в основном унаследованы от советского периода и адаптированы под режим личной власти благодаря неопатримониальным практикам и формированию «бюрократического» [Fisun, 2012, pp. 93–94] или «рационально-бюрократического» [Abramova, Vilisov, 2020, pp. 29–31] неопатримониализма.

2. Выполнение социальных обязательств для предотвращения социального недовольства, подкрепленное пропагандой «социалистической ориентированности» экономики и бережного сохранения советского наследия [Царик, 2020, с. 138].

3. Советский способ развития экономики. Попытки развития национальной экономики на основе советского индустриального наследия и в рамках советского типа (максимально возможная автаркия и протекционизм, сохранение государственного контроля при возможности допуска отдельных иностранных инвесторов на национальный рынок, но под жестким контролем со стороны государства и лично А.Г. Лукашенко) [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 219, 232]. Сказанное не означа-

ет, что в Белоруссии нет частного бизнеса – он есть, но вынужден функционировать в рамках «государственного капитализма» – еще одно парадоксальное советское наследие, выросшее из советских индустриальных гигантов. Государственный или полугосударственный бизнес даже способен на экспансию в рамках ЕАЭС, при этом его основным направлением является Россия, как наиболее привлекательный рынок [Пылин, 2019]. Однако его конкурентоспособность все же недостаточно высокая даже по сравнению с партнерами по ЕАЭС.

4. Извлечение «политической ренты» из отношений с Россией в виде получения прямых и скрытых субсидий, торговых преференций и доступа на российский рынок, кредитов и гарантий безопасности в обмен на демонстрацию политической лояльности и иные символические политические проявления при условии сохранения и укрепления автономности политической власти Минска от Москвы на основе «многовекторного» подхода во внешней политике. Дотирование Россией белорусской экономики воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как часть советского наследия, позволившего сохранить советский индустриальный комплекс (что является реальным достижением Белоруссии) и белорусскую государственность, что было фактически равнозначной задачей [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 219]. Ситуация ожидания односторонних преференций хорошо иллюстрируется, например, следующей экспертной позицией: присоединение России к ВТО повлекло «снижение таможенно-тарифной защиты ЕАЭС» и падение белорусского экспорта в Россию в 2012–2017 гг. (что усилило отрицательный торговый баланс белорусско-российской торговли), поэтому белорусскому правительству «целесообразно ставить

вопрос о достижении паритета путем увеличения Россией ежегодных закупок белорусской продукции на величину отрицательного внешнеторгового сальдо с целью его ликвидации» [Дайнеко, Береснев, 2019, с. 7]. Как видно, экономические интересы России в данном случае в расчет не принимаются вообще, равно как и потребительские свойства белорусской продукции – закупки со стороны России должны быть увеличены в плановом порядке для решения экономических проблем Белоруссии. Это закономерное продолжение еще последних лет существования СССР и более поздних «бартерных» и «взаимозачетных» схем российско-белорусской торговли, опосредовавших фактическое дотирование белорусской экономики на абсолютно нерыночных принципах [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 219].

5. Следование принципу «государственность выше государственной состоятельности». Это означает оппортунистическое использование имеющихся международных политических институтов в комбинации с активным неформальным взаимодействием с российским руководством для достижения цели извлечения «политической ренты», блокирование любых институционализированных форм взаимодействий, ограничивающих свободу политического маневра и покушающихся на национальный суверенитет и автономию от России.

Справедливости ради надо отметить, что у руководства Белоруссии фактически не было альтернативы такой модели, так как она была определена положением этой республики в едином хозяйстве СССР: «сборочный цех», зависящий от «импорта» дешевого сырья и «экспорта» промышленной продукции. Проблема была в том, что за пределами советского контура и советской ресурсозатратной модели

производства эта продукция была почти не востребована. Однако белорусским руководителям, в том числе А.Г. Лукашенко, удалось невозможное: сохранить этот промышленный потенциал, обеспечить достойный уровень социального обеспечения населения и сохранить новую государственность. В каком-то смысле называть эту модель в честь нынешнего руководителя Белоруссии не совсем корректно, так как она начала формироваться до него, он только лишь окончательно оформил ее. Положительные черты этой модели эксперты характеризуют как «социально ориентированная рыночная экономика», или «рыночный социализм» [Павловец, Шиптенко, 2017, с. 269]. Отрицательные черты – прежде всего рентный характер – в конечном итоге определили облик этой модели и перевесили все положительные достижения.

Каким образом эта политэкономическая модель влияет на стабильность и устойчивость Белоруссии? Высокий уровень централизации, сильная бюрократия, включая силовую, усиливают функционально-деспотический и консолидационно-деспотический параметры, что придает режиму устойчивость в краткосрочной и стабильность в долгосрочной перспективе. Но вызовом является недостаточная гибкость из-за слабости функционально-инфраструктурного («общественный договор», который больше не работает) и консолидационно-инфраструктурного («ответственное гражданское поведение», которое постепенно присваивается протестующей «улицей») параметров. Действующий политический режим отрицает наличие политических субъектов для организации какого-либо обсуждения вопросов стратегического развития, в том числе социально-экономических реформ, и пытается создать собственные площадки таких переговоров (Всебелорусское народ-

ное собрание) в противовес протестующей улице. Пока эта стратегия работает, но по мере роста недовольства социально-экономической ситуацией и перспективами ее развития положение в стране может начать меняться катастрофическим образом. Как это может повлиять на российско-белорусские отношения?

Союзы соединительные и противительные

Подобно тому как в русском языке союзы как части речи должны соединять однородные члены предложения, так и союзы правовые, политические и экономические должны были бы соединять однородные государства. Однако, несмотря на все предпосылки (общая история, культура, уже интегрированная экономика и все необходимые правовые рамки), интеграция «буксует» и развитие самой Белоруссии, равно как и состояние взаимных отношений, явно находится в тупике. Налицо ситуация, когда имеющиеся союзы выполняют не «соединительную» («Россия и Белоруссия»), а «противительную» функцию («Россия..., а Белоруссия...», «Белоруссия..., однако Россия...»).

Следование принципу «государственность выше государственной состоятельности» для Белоруссии означает неприемлемость интеграции с Россией прежде всего в политическом плане. Реализация этой стратегии на практике означает блокирование любых попыток «углубить» интеграцию, используя широкий арсенал инструментов: от самих институтов – будь то СГ или ЕАЭС (использование формального и неформального права «вето», закрепление в официальных документах «неполитического» характера союза, блокирование даже потенциально угрожающих инициатив) – до посто-

янного перевода отношений в «неформальный» и/или «чрезвычайный» формат, означающий, как правило, личные консультации (звонки, встречи) на президентском уровне, которые предваряются или сопровождаются громкими публичными заявлениями. При этом преследуется только одна цель – затянуть решение стратегически невыгодных для себя вопросов, уйти от прямых обязательств, получив при этом необходимые ресурсы. Процесс взаимодействия начинается напоминать ближний бой в боксе, когда один из участников состязания «душит в объятиях» другого, изматывая морально и физически и не давая ничего сделать содержательно. Такая тактика довольно часто помогает заведомо более слабому спортсмену не потерпеть поражения, а иногда даже и одержать победу.

Использование подобной аналогии в данном случае абсолютно сознательное и уместное, так как проигравшей стороной в таких «союзных» отношениях однозначно является Россия, которая помимо финансовых расходов несет огромные репутационные потери, подрывая не только свой авторитет, но и привлекательность ЕАЭС как институциональной рамки интеграции – другие государства-участники получают четкий сигнал, что добиться значительных ресурсов от России проще за счет двусторонних отношений, основанных на «чрезвычайном» и «неформальном» формате взаимодействия, как это делает А. Лукашенко. При этом получать ресурсы можно в формате ренты, практически ничего не отдавая взамен. Это исключает возможность организации сколь угодно рационального экономического сотрудничества, основанного на согласовании экономических интересов: белорусского и российского государств, белорусских и российских компаний. В рентной политэкономиче-

ской модели экономические интересы отдельных белорусских предприятий оказываются подчинены общей политической логике действий политического режима.

Таким образом, рентный характер отношений становится ключевой проблемой российско-белорусского сотрудничества. Уйти от этой модели, как показывает опыт других постсоветских стран, бывает очень сложно. В качестве наглядного примера может быть взята украинская ситуация. Отказавшись в свое время от евразийской интеграции, которая предполагала институционализацию экономического сотрудничества и перевод экономической помощи со стороны России в какой-то организованный и контролируемый формат, украинская политическая элита не может отказаться от соблазна извлечения геополитической ренты: как в формате эксплуатации темы энергетического транзита, так и продавая «геополитический страх» «российской военной агрессии» на Запад в обмен на политическую, финансовую и военную помощь.

В белорусском случае можно ожидать точно таких же трансформаций: «интеграционная» рента меняется на «геополитическую» (развитие политики многовекторности и угрозы «уйти на Запад» добровольно или после «цветной революции»), «углубленная интеграция» снимается с повестки или уходит на второй план, при этом российская поддержка все равно поступает. Пока будет сохраняться политический субъект, ориентированный на извлечение такой ренты, ситуация не изменится. Даже если гипотетически предположить смену власти в Белоруссии, в результате которой будет произведен стандартный «постсоветский транзит» с демократизацией политических институтов и масштабной приватизацией для развития рыночных отношений,

что приведет к изменению первых трех из описанных выше компонентов «лукашенимики», слишком велика вероятность «украинизации» белорусской политэкономической модели. В этом случае высокая централизация и социальный характер государства сменяются на децентрализацию и появление олигархата (в результате спешной приватизации), слабость институтов и недостаток финансирования (из России оно прекратится, с Запада не придет по причине высоких политических рисков) приведет к экономическому коллапсу и появлению несостоятельного государства или государства-террориста, которое будет пытаться «продать страх» Западу в отношении России, России – в отношении Запада, последовательно продолжая стратегию «государственность важнее государственной состоятельности». Пока на Западе этому поведению будут подыгрывать в виде предоставления обещаний на вступление в НАТО или на европейскую интеграцию, извлечение ренты будет продолжаться.

Возможен ли вариант с отказом от «политической ренты» в отношениях двух стран? Простое и очевидное решение – полная интеграция Белоруссии в состав Российской Федерации в формате нового федерального округа (такие варианты уже курсируют в политическом сегменте российского Телеграмма¹⁹) – вряд ли может быть реализовано в настоящее время без неприемлемых политических издержек. Тем не менее можно предположить несколько сценариев.

Сценарий первый – «конституционная реформа» с переходом к парламентской республике. Можно было бы предположить, что в результате проведенной конституционной реформы

произошло бы перераспределение полномочий от президента к правительству и парламенту, и последний в перспективе стал бы реальным институтом формирования национального политического курса, в том числе с участием оппозиционных ныне сил. Правительство смогло бы сформулировать и реализовать программу экономических реформ, которая включала бы предусмотренные в Договоре о СГ гармонизацию гражданского, налогового и бюджетного законодательства, проведение единой денежно-кредитной политики и формирование общей валюты, санацию и приватизацию белорусских государственных предприятий с активным участием российского бизнеса и других иностранных инвесторов и созданием единых рынков (энергетического, телекоммуникационного, потребительского), унификацию социального и пенсионного обеспечения. Сформированный в итоге «новый общественный договор» расширил бы социальную базу поддержки правительства за счет белорусского предпринимательства и других социальных групп, менее патерналистски ориентированных, устранил бы негативные явления, связанные с неопатримониализмом и коррупцией в сфере гражданской и силовой бюрократии.

При всей своей фантастичности (успешных сценариев для постсоветских стран не было, за исключением стран Балтии) он не представляется совсем нереалистичным при наличии внешнего, более сильного партнера, стимулирующего такие преобразования. Россия могла бы выполнить такую функцию, однако для этого должна быть радикально изменена российская политика, в том числе символическая. При этом следует ожидать серьезного

19 Новости на каждый день (2021) // Telegram. 7 апреля 2021 // <https://t.me/daydaynews/1157>, дата обращения 21.04.2021.

информационно-пропагандистского противостояния с националистическими общественно-политическими силами, которые будут стимулировать конкуренцию российской и европейской «мягкой силы». Потенциал такого противодействия и перспективы этого противостояния, которое будет происходить в информационном, научно-экспертном и политическом пространствах коммуникации, представляют собой особый предмет для дальнейшего изучения.

Сценарий второй можно условно назвать «авторитарной модернизацией». При сохранении высокого уровня централизации и социальных обязательств «реформы сверху» будут предполагать градиентную приватизацию, радикальное повышение эффективности налоговой и бюджетной дисциплины, борьбу с коррупцией и опору на крупный российский и государственный бизнес для повышения экономической эффективности – вариант, максимально близкий модели «путиномики». Реализация этого сценария требует еще большей политической воли, но конфликтная внутриполитическая повестка является очень неблагоприятным фактором для его реализации.

Заключение

В ходе исследования удалось сформировать модели «лукашеномики» как политэкономической модели, предполагающей высокую централизацию политической и экономической власти, высокий уровень государственных социальных обязательств, стагнирующий советско-государственный тип хозяйствования, неспособный обеспечить взятый уровень социальных и экономических обязательств, компенсация финансового дефицита режима за счет извлечения «политической ренты» из

отношений с Россией при безусловном приоритете суверенитета и автономии от России над соображениями социально-экономической эффективности.

Точная идентификация политэкономических особенностей существующей в Белоруссии модели является критически важной для формирования российской политики в отношении «главного союзника».

«Лукашеномика» в ее нынешнем виде несовместима для интеграции с «путиномикой», а извлечение «политической ренты» из отношений с Россией как ее ключевая стратегия является политически неприемлемым для России и дискредитирует другие интеграционные проекты с российским лидерством. Эволюционные варианты развития этой системы для России также вряд ли приемлемы, так как все они будут предполагать сохранение «политической ренты», которая может видоизменяться и приобретать еще более негативные для России формы. Чтобы избежать такого развития событий, России следует выступить основным гарантом политических и экономических изменений в Белоруссии, рассматривая при этом модель «путиномики» в качестве целевого ориентира для этих преобразований.

Список литературы

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. (2020). От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // *Полития*. № 1(96). С. 7–27. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

Возможен ли белорусский «майдан»? Диагностика и вызовы для России (2016). М.: Научный эксперт // http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/12/doklad_bel.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Гронский А.Д., Кузьмина Е.М., Соловьёв Э.Г. (2020). Белоруссия: эрозия белорусской модели социального государства и специфика белорусской политической многовекторности // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. М.: ИМЭМО РАН. С. 7–22.

Дайнеко А., Береснев Д. (2019). Внешняя торговля и развитие экономики Беларуси // Наука и инновации. № 1. С. 4–12. DOI: 10.29235/1818-9857-2019-1-4-12

Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) // Евразийский экономический союз // http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Договор о Союзном государстве (1999) // Министерство экономического развития Российской Федерации // https://www.economy.gov.ru/material/file/8b7594d3b3872de6ab2e6b44b0d4cc04/Dogovor_%20sg_1999.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Лойко А.И. (2018). Экономика Беларуси и России: модели и практики эволюции в XIX–XXI веках // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. № 1–2. С. 267–270 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-belarusi-i-rossii-modeli-i-praktiki-evolyutsii-v-xix-xxi-vekah>, дата обращения 21.04.2021.

Мясникович М.В. (2016). Эволюционные трансформации экономики Беларуси. Минск: Беларуская навука.

От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона (2016). М.: Научный эксперт // <http://centero.ru/wp-content/uploads/2017/02/for-prps-Turkmenistan.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Павловец Ю., Шиптенко С. (2017). Экономика Белоруссии. Исторические очерки XX–XXI века. М.: Книжный мир.

Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по

реализации положений Договора о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.) // <https://docs.cntd.ru/document/930110169>, дата обращения 21.04.2021.

Пылин А.Г. (2019). Белорусский бизнес в ЕАЭС как фактор региональной интеграции // Инновации и инвестиции. № 10. С. 92–97 // <https://cyberleninka.ru/article/n/beloruskiy-biznes-v-eaes-kak-faktor-regionalnoy-integratsii>, дата обращения 21.04.2021.

Суздальцев А.И. (2020). Кризис союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 3. С. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67

Царик Ю. (2020). Политэкономика Беларуси, эволюция белорусско-российских отношений и политический кризис 2020 года // Пути к миру и безопасности. № 2(59). С. 133–149. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-133-149

Шурубович А.В. (2018). Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: ИЭ РАН.

Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. (2020). Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 6–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Abramova M., Vilisov M. (2020). The Post-Soviet Transition: Constitutional Structuring and Political Reality (Case-study de la cei) // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucionales, no 42, pp. 3–38 // http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-91932020000100003, дата обращения 21.04.2021.

Bradshaw M., Lynn N. (1994). After the Soviet Union: The Post-Soviet States in the World System // The Professional Ge-

ographer, vol. 46, no 4, pp. 439–449. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00439.x

Charap S., Troitskiy M. (2013). Russia, the West and the Integration Dilemma // *Survival*, vol. 55, no 6, pp. 49–62. DOI: 10.1080/00396338.2013.862935

Fisun O. (2012). Rethinking post-Soviet Politics from a Neo-patrimonial Perspective // *Demokratizatsiya. Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 20, no 2, pp. 87–96 // https://www.researchgate.net/publication/280882953_Rethinking_post-Soviet_politics_from_a_neopatrimonial_perspective, дата обращения 21.04.2021.

Ioffe G., Yarashevich V. (2011). Debating Belarus: An Economy in Comparative Perspective // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no 6, pp. 750–779 // <http://gioffe.asp.radford.edu/images/publications/eurasiangeog.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Miller C. (2018). *Putinomics. Power and Money in Resurgent Russia*, University of North Carolina Press.

Movchan A., Zotin A., Grigoryev V. (2017). *Managing the Resource Curse: Strategies of Oil-Dependent Economies*

in the Modern Era // Carnegie Moscow Center, March 30, 2017 // <https://carnegie.ru/2017/03/30/managing-resource-curse-strategies-of-oil-dependent-economies-in-modern-era-pub-68460>, дата обращения 21.04.2021.

Sivitsky A. (2019). Tensions between Kremlin and Minsk Rise after ‘Integration Ultimatum’ // *RaamopRusland*, January 23, 2019 // <https://raamoprusland.nl/dossiers/buitenlandse-politiek/1187-tensions-between-kremlin-and-minsk-rise-after-integration-ultimatum>, дата обращения 21.04.2021.

Tsarik Y., Vasa L. (2019). Foreign Policy Challenges for Belarus since 2014 and Their Domestic Dimension // *KKI. E-2019/34* // https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf, дата обращения 21.04.2021.

World Bank (2021). Country Profile. Azerbaijan // https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=AZE, дата обращения 21.04.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

The Union State and the Union Economy: Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation

Maksim V. VILISOV

PhD in Politics, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: mvilisov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6634-3829

CITATION: Vilisov M.V. (2021). The Union State and the Union Economy: Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 106–126 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6

Received: 31.03.2021.

ABSTRACT. *Against the background of political instability in Belarus and unsuccessful attempts to “deepen integration” in 2019-2020, the political economy of Russian-Belarusian cooperation as a subject of study goes far beyond academic interest and is of great practical importance. The article suggests that explanation of the integration difficulties in inside the nature of the existing Belarusian political and economic model, which becomes the main object of analysis. By analogy with the political economic model of “Putinomics” by C.Miller and the results of a comparative analysis, the political economic model of “Lukashenomics” and its main strategies (centralization of power, a high level of social obligations, state control of the economy, extraction of “political rent” from relations with Russia and the priority statehood over state solvency) are explained. On the basis of the model of resilience and stability of state systems developed earlier by the author as part of the team, the influence of the “Lukashenomics” on the resilience and stability of the state system of Belarus is determined. The fundamen-*

tal incompatibility of the existing Belarusian and Russian political economic models is revealed and the prospects for the development of Russian-Belarusian relations in the context of possible scenarios for the transformation of the Belarusian model are determined.

KEYWORDS: *Union State of Russia and Belarus, “Putinomics”, “Lukashenomics”, deeper integration.*

References

Abramova M., Vilisov M. (2020). The Post-Soviet Transition: Constitutional Structuring and Political Reality (Case-study de la cei). *Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucionales*, no 42, pp. 3–38. Available at: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-91932020000100003, accessed 21.04.2021.

Action Program of the Russian Federation and the Republic of Belarus to Imple-

ment the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State (Moscow, December 8, 1999). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/930110169>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Bradshaw M., Lynn N. (1994). After the Soviet Union: The Post-Soviet States in the World System. *The Professional Geographer*, vol. 46, no 4, pp. 439–449. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00439.x

Charap S., Troitskiy M. (2013). Russia, the West and the Integration Dilemma. *Survival*, vol. 55, no 6, pp. 49–62. DOI: 10.1080/00396338.2013.862935

Daineko A., Beresnev D. (2019). Foreign Trade and Economic Development of Belarus. *Science and Innovation*, no 1, pp. 4–12 (in Russian). DOI: 10.29235/1818-9857-2019-1-4-12

Fisun O. (2012). Rethinking post-Soviet Politics from a Neo-patrimonial Perspective. *Demokratizatsiya. Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 20, no 2, pp. 87–96. Available at: https://www.researchgate.net/publication/280882953_Rethinking_post-Soviet_politics_from_a_neopatrimonial_perspective, accessed 21.04.2021.

From Turkestan to Central Asia: The Political Future of the Region (2016), Moscow: Scientific Expert. Available at: <http://centero.ru/wp-content/uploads/2017/02/for-prps-Turkmenistan.pdf>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Gronskiy A.D., Kuz'mina E.M., Solovyov E.G. (2020). Belarus: Erosion of the Belarusian Model of the Social State and the Specifics of the Belarusian Political Multi-vector. *Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems*, Moscow: IMEMO RAS, pp. 7–22 (in Russian).

Ioffe G., Yarashevich V. (2011). Debating Belarus: An Economy in Comparative Perspective. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no 6, pp. 750–779. Available at: <http://gioffe.asp.radford.edu/images/pubpdfs/eurasiangeog.pdf>, accessed 21.04.2021.

Is Belarusian “Maidan” Possible? Diagnosis and Challenges for Russia (2016), Moscow: Scientific Expert. Available at: http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/12/doklad_bel.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Loiko A.I. (2018). Economy of Belarus and Russia: Models and Practices of Evolution in the XIX – XXI Centuries. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, no 1–2, pp. 267–270. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-belarusi-i-rossii-modeli-i-praktiki-evolyutsii-v-xix-xxi-vekah>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Miller C. (2018). *Putinomics. Power and Money in Resurgent Russia*, University of North Carolina Press.

Movchan A., Zotin A., Grigoryev V. (2017). Managing the Resource Curse: Strategies of Oil-Dependent Economies in the Modern Era. *Carnegie Moscow Center*, March 30, 2017. Available at: <https://carnegie.ru/2017/03/30/managing-resource-curse-strategies-of-oil-dependent-economies-in-modern-era-pub-68460>, accessed 21.04.2021.

Myasnikov M.V. (2016). *Evolutionary Transformations of the Belarusian Economy*, Minsk: Belarusian Science (in Russian).

Pavlovets Y., Shiptenko S. (2017). *Economy of Belarus. Historical Sketches of the XX–XXI Century*, Moscow: Book world (in Russian).

Pylin A.G. (2019). Belarusian Business in the EAEU as a Factor of Regional Integration. *Innovations and Investments*, no 10, pp. 92–97. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/belorusskiy-biznes-v-eaes-kak-faktor-regionalnoy-integratsii>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Shurubovich A.V. (2018). *Economic Interaction between Russia and Belarus: Integration Projects and National Interests*, Moscow: Institute of Economics Russian Academy of Science (in Russian).

Sivitsky A. (2019). Tensions between Kremlin and Minsk Rise after 'Integration Ultimatum'. *RaamopRusland*, January 23, 2019. Available at: <https://raamoprusland.nl/dossiers/buitenlandse-politiek/1187-tensions-between-kremlin-and-minsk-rise-after-integration-ultimatum>, accessed 21.04.2021.

Suzdaltsev A.I. (2020). The Crisis of the Union State of Belarus and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 3, pp. 56–67 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67

Treaty on the Eurasian Economic Union. (2014). *Eurasian Economic Union*. Available at: http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Tsarik Y. (2020). The Political Economy of Belarus, the Evolution of Belarusian-Russian Relations and the Political Crisis of 2020. *Paths to Peace and Security*, no 2(59), pp. 133–149 (in Russian). DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-133-149

Tsarik Y., Vasa L. (2019). Foreign Policy Challenges for Belarus since 2014 and Their Domestic Dimension. *KKI*. E-2019/34. Available at: [https://kki.hu/wp-content/](https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf)

[uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf](https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/07/34_KKI-Policy-Brief_BLR_Tsarik_Vasa_20190718_n.pdf), accessed 21.04.2021.

Union State Treaty. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/8b7594d3b3872de6ab2e6b44b0d4cc04/Dogovor_%20sg_1999.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).

Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. (2020). From Resilience to Stability: What Makes Good Public Administration. *Politeia*, no 1(96), pp. 7–27 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

World Bank (2021). Country Profile. Azerbaijan. Available at: https://datatabank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=Country_Profile&Id=b450fd57&tbar=y&d=y&inf=n&zm=n&country=AZE, accessed 21.04.2021.

Yakunin V.V., Kuznetsov I.I., Vilisov M.V. (2020). The Post-Soviet State Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 6–33 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1